

ОБЫДЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В КАРТИНЕ МИРА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: ИЗУЧЕНИЕ НА ЯЗЫКОВОМ МАТЕРИАЛЕ

*Работа представлена кафедрой литературы и русского языка СПбГУП.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Ю. В. Зобнин*

Автор статьи обращается к проблеме отражения мифологических и фантастических представлений русского народа в языковой картине мира. Объектом внимания в данном случае являются прежде всего пословицы и поговорки, а также некоторые другие устойчивые выражения, связанные с такими домашними животными, как собака и кошка, и зафиксированные в Словаре В. Даля, который был создан в XIX в. и подробно отразил обыденные представления русских. Целью автора является продемонстрировать, как в ментальности русского человека XIX в. соединялись языческие и христианские представления, а также выяснить, какое место в его картине мира занимали собака и кошка.

The author of the article analyses a problem of how mythological and fantastic notion of Russian people reflects in the language world-view. The object of the author's attention is proverbs, sayings and idioms connected with pets, such as cats and dogs. These set phrases were collected in Dictionary by V. Dal in the 19th century and reflected common notions of Russian people. The aim of the author is to show how heathen and Christian elements are joined up in the Russian world-view in the 19th century and what role was given to a cat and a dog there.

Русские философы XIX–XX вв. (Н. Бердяев, В. Розанов, П. Флоренский и др.) отмечали, что своеобразие русской культуры заключается в ее бинарности. Привычные, часто употребляемые бинарные оппозиции – это противопоставление предельных качеств, предметов и явлений. Традиционно русское культурное пространство основывалось на двойственности, противоречивости, разорванности русского Космоса. Бинарное состояние русского культурного пространства сформировало неповторимую ценностно-нормативную систему, оказало влияние на местоположение человека в культуре. Двойственность русского мировосприятия, сложное переплетение существующих оппозиций наиболее ярко проявились в системе отношений нормы и патологии. Важно, что бинарность картины мира русского человека находит отражение и в языке. В первую очередь интерес представляет сосуществование в языковой картине мира языческих и христианских представлений.

«Словесная речь человека – это союзное звено между телом и духом: без слова нет сознательной мысли», – отмечает В. Даль в «Напутном слове» к «Словарю живого великорусского языка», который, являясь словарем историческим, рисует многообразную картину русской культуры, прежде всего бытовой¹.

В контексте заявленной темы остановимся на тех пословицах и поговорках, которые В. И. Даль приводит в «Словаре живого великорусского языка». Они важны для получения информации о картине мира русского человека XIX в., ведь данный пласт материала уникален в каждом языке и отражает собственно национально-культурные представления народа.

Устойчивые выражения и относящиеся к ним пословицы и поговорки играют особую роль в создании представлений о мире той или иной нации. Как пишет В. А. Маслова, они являются зеркалом жизни нации и природа их значений тесно связана с фоновыми знаниями представителей культу-

ры, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа. Устойчивые выражения приписывают предметам признаки, которые ассоциируются с картиной мира, подразумевают целую дескриптивную ситуацию (текст), оценивают ее, выражают к ней отношение. Своим значением они, как правило, направлены на характеристику человека и его деятельности².

В «Словаре живого великорусского языка» В. Даля представлены следующие пословицы и поговорки, характеризующие специфическое восприятие таких образов обыденной картины мира, как, например, «собака» и «кошка»: *С лихой собаки хоть шерсти клок. Маленькая собачка до старости щенок.* (Интересно, что данные поговорки широко используются в переносном смысле по отношению к человеку.) *Кошку бьют, а невестке наветки дают. Напала на кошку спесь, не хочет с печки слезть. Кошка да баба в избе, мужик да собака на дворе.* Последняя пословица особенно интересна. Одна из версий, почему собака на дворе, такова: русские крестьяне не допускали собаку в дом, считая ее нечистым животным, причем нечистота ее была сродни нечистоте иноверца, отсюда стойкое именование последнего, например, «собака – татарин», зафиксированное В. Далем.

Можно также добавить, что «разделение ролей» в данной пословице происходит, возможно, по «сфере деятельности»: собака охраняет дом извне, а кошка изнутри – от мышей. Но, с другой стороны, целый ряд мифов, легенд, поверий указывает на следующее: еще со времен язычества кошка считалась священным животным, причем не только в России.

Кошка помогала сберегать хлеб, отсюда и ее воцарение в крестьянском доме (это единственное животное, которому дозволено было находиться в одном помещении с людьми), и ее неприкосновенность. Существовали даже некие «предписания», определяющие обращение с кошкой, – ряд поверий и суеверий: *Если у кошки обрезать*

усы, то нюх у нее притупится, и она не будет ловить мышей, пока они снова не отрастут. Нельзя отнимать у кошки пойманной ею мышки и даже тревожить ее, когда она возится с той, иначе кошка перестанет ловить мышей.

Интересно, что и в народных приметах, зафиксированных в «Словаре живого великорусского языка», кошка упоминается в связи с домом, а собака – с двором: *Кошка садится на подоконник и смотрит в окно – на тепло. Кошка скребет пол – на ветер, на метель. Собака землю роет – к покойнику. Чтобы собаки не взбесились, то щенят протаскивать сквозь ступицу колесную.*

Можно предположить, что основанием для данного «предписания» послужило представление о колесе (круге) как о воплощении мировой гармонии, существовавшее в наивных представлениях на протяжении долгого времени становления русской нации (круг как реализация цикличности, определяющей миропорядок). Таким образом, протаскивание щенков через «ступицу колесную» становится «обрядом» – приобщением их к гармоничному, «хорошему» миру, т. е. «средством» от бешенства как явления мира «плохого». С другой стороны, предписание данного действия можно интерпретировать и как обряд приобщения к дому, к человеку, поскольку колесо – это всегда часть какого-либо средства передвижения или перевозки грузов, так или иначе принадлежащего человеку, необходимого в домашнем хозяйстве.

Неоспорим тот факт, что историческая, культурологическая, мифологическая, фольклористическая литература о таком образе обыденной картины мира, как «собака», огромна. Уже отмечены самые разнообразные «ипостаси» мифологических представлений об этом животном: способность предчувствовать и предсказывать погоду, будущее и т. п.; связь с нечистыми духами и способность оборачиваться в них; защита от нечистой силы, способность отгонять ее; «охранная» функция (например, охрана подземных сокровищ); связь со

смертью и потусторонним миром (отсюда зловещий собачий вой); целительная функция, в частности перенесение болезней на собаку; медицинская магия, в частности употребление собачьего мяса в народной медицине; принесение собаки в жертву; поверья об опасности от бешеной собаки; зловедная сила, исходящая от взгляда собаки, и т. д. Почти все суеверия, как отмечает В. М. Мокиенко, древни и устойчивы, восходят к общей индоевропейской мифологии и во многом исходят из разнообразия пород этого животного и их значения в быту и в хозяйстве человека³. Они неразрывно связаны с общими оценками собаки в культуре и языках индоевропейцев, вытекающими из реальных наблюдений за повадками и образом жизни этого животного. При этом положительные представления составляют немалую их долю: привязанность и верность человеку, бдительность, ум и чуткость и т. д. Высокая оценка собаки индоевропейцами связана, в частности, и с обычаем приносить собак в жертву богам. Восточные же народы относятся к этому животному в целом негативно, о чем свидетельствует обилие ругательств, связанных с собакой

Восприятие собаки как жертвенного животного в дохристианской русской культуре отразилось в устойчивом выражении *«всех собак вешать»* (на кого). Выражение *«собаку съест на чем или на что»* означает «познать до тонкости какую-нибудь науку, мастерство и т. п.», ср. также *«насобачить-ся»* – «научиться». «В основе данного выражения, возможно, лежит представление о приобретении знания или умения через анти-поведение, имеющее колдовской смысл. В то же время поскольку собака связана с загробным миром и, соответственно, обладает способностью чутко чувствовать демонов, а также предвещать смерть, поедание собачьего мяса как бы приобщало к вещам способностям собаки. Соответствующее выражение может выступать и как насмешка – так, жителей Петрозаводской и Петербургской губерний дразнили словами *«боску*

сьел” или называли их “боскоеды” (“боска” – собака). Можно предположить, что эта насмешка содержит в себе обвинение в колдовстве или язычестве». Итак, выражение «*собаку съест*» первоначально означало, по-видимому, такую полноту знания (или настолько совершенное умение), которое может быть достигнуто с помощью магии.

Следует подробнее остановиться на представлении о нечистоте пса, которое имеет очень древние корни и выходит далеко за пределы славянской мифологии. Это отчетливо выражено и в христианском культе: пес как нечистое животное эксплицитно противопоставляется святыне (ср. евангельское: «не дадим святая псам»). В христианстве собака ассоциируется с язычниками или вообще с иноверцами, особенно показательно в этом отношении выражение «песья вера», которое бытует в славянских языках в качестве бранного выражения, относящегося к иноверцам. В основе этого выражения, как пишет Б. А. Успенский, лежит представление о том, что как у собаки, так и у иноверца нет души. «“Душа” и “вера” в принципе связаны по своей семантике, т. е. само понятие веры предполагает наличие души, и наоборот. По русскому поверью, “У татарина, что у собаки, души нет, один только пар”»⁴.

Итак, наличие души выступает как определяющий признак, разделяющий весь мир на две части, между которыми, в сущности, не может быть общения: противо-

поставляются не люди и животные, но те, кто имеют душу (следовательно, и веру), и те, у кого она отсутствует. По этому признаку собаки и объединяются с иноверцами: и те и другие лишены общения с Богом, а тем самым и с людьми, объединенными верой. Присутствие пса оскверняет церковь (святое место), подобно тому как оскверняет ее присутствие иноверца – пес и иноверец объединяются именно по признаку нечистоты. Нечистота собаки объясняет, возможно, и выражение «*где собака зарыта*». «Собаку как нечистое животное нельзя было зарывать в землю – нечистое тело провоцировало гнев земли, т. е. всякого рода бедствия»⁵. В. Евсюков отмечает в этой связи: «Что касается собаки, то, согласно мифопоэтической традиции, она сопровождала души умерших в загробный мир и была неизменным стражем у ворот ада. Собака – символ смерти, хтонических и лунных существ. Ад всегда связывался с огнем, а огонь интерпретировался как “носящий вред, ущерб, сеющий смерть”»⁶.

Подводя итог, заметим, что изучение истории русской культуры на языковом материале, отразившем особенности мировоззрения русской нации на всех этапах ее формирования, является перспективным, поскольку реальность и фантастика представлений о мире русского человека, переплетаясь в языке почти мистическим образом, позволяют делать адекватные выводы о специфике исторического пути народа и страны в целом, а также прогнозировать дальнейшие пути их развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. М., 1994. С. 8.
- ² Маслова В. А. Лингвокультурология. М. 2001. С. 67–68.
- ³ Мокиенко В. М. Из сокровищницы русской речи. Народные устойчивые сравнения с названиями животных. Собака // STUDIA SLAVICA SAVARIENIA 1–2, Szombathely, 2003. С. 154–205.
- ⁴ Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. М., 1996. С. 89.
- ⁵ Там же. С. 76.
- ⁶ Евсюков В. М. Мифы вселенной. М., 1988. С. 166.